

ФРАНЦУЗСКИЙ ПОЧЕРК. ПРОЗА ФИЛИППА КЛОДЕЛЯ

Ф И Л И П П
К Л Ю Д Е Л Ъ

◆ ДИТЯ ГОСПОДИНА ◆
ЛИНА

ЭКСМО
МОСКВА
2015

УДК 821.133.1-3
ББК 84(4Фра)6-4
К50

Philippe CLAUDEL
LA PETITE FILLE DE MONSIEUR LINH

© Editions Stock, 2005

Перевод с французского *Аси Петровой*
Художественное оформление *П. Петрова*

Клодель, Филипп.
К50 Дитя господина Лина / Филипп Клодель ; [пер. с фр. А. Д. Петровой]. — Москва : Эксмо, 2015. — 192 с. — (Французский почерк. Проза Филиппа Клоделя).

ISBN 978-5-699-78824-8

Тонкий, необычный, элегантно-изысканный роман. Господин Лин — вынужденный иммигрант. Он не говорит по-французски, ему чужды европейские традиции. Он одинок и беззащитен. Во время гражданской войны в своей далекой стране он потерял всю семью, осталась только внучка, в которой старик души не чает. Она никогда не плачет, от нее никто не слышал ни единого слова. Старик не расстанется с ней ни на минуту — кажется, если он выпустит ее из рук, то его жизнь оборвется.

Книга посвящена «всем господам Линам и их детям», всем нам, для кого любовь близких — та соломинка, которая держит и не дает пропасть.

УДК 821.133.1-3
ББК 84(4Фра)6-4

© Петрова А., перевод на русский язык,
2014

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2015

ISBN 978-5-699-78824-8

*Всем господам Линам
и их детям.*

Ному и Эмелии

На задней палубе корабля — пожилой господин. В одной руке он сжимает легкий чемодан, в другой — младенца, еще более легкого. Старик называет себя господин Лин. Лишь ему известно, как его зовут, все, кто его знал, уж на свете не живут.

Стоя на корме, он видит вдалеке родину своих предков, тех, кто спит крепким сном в гробах, пока дремлет дитя у него на руках. Земля отдаляется, уменьшается, и господин Лин наблюдает за тем, как исчезает на горизонте береговая полоска; он часами не сходит с места, все смотрит и смотрит, подставив лицо ветру, сбивающему с ног и раскачивающему силуэт из стороны в сторону, как марионетку.

Путешествие долгое. Дни и ночи. Все это время пожилой господин проводит на корме совсем один, глаз не сводя с перспективы, а вдали белая паутина тумана то рисует пропавшие из виду земли, то сливается с небом.

Когда Лина пытаются отвести в каюту, он не сопротивляется, молчит, но чуть позже его вновь обнаруживают на задней палубе: одна рука держится за борт, другая — прижимает к сердцу ребенка, в ногах у старика — маленький чемодан из грубой кожи.

Чемодан перевязан ремнем — словно днем с огнем, ни зимой, ни летом не сыщешь клада более ценного, чем тот, что спрятан внутри. А по правде, там поношенная одежда, матерчатый мешочек с горсткой земли и выцветшая фотография. Вот и все, что он смог унести. Плюс, конечно, ребенок.

Дитя не плачет. Это девочка. Ей исполнилось шесть недель, когда господин Лин забрал ее и вместе с другими людьми, потерявшими все, спешно собрался и на большом корабле вышел в открытое море.

Шесть недель. Столько длится плавание. И за время пути ребенку грозит не просто подрасти, но повзрослеть вдвое. А пожилой человек чувствует, что постарел уже не меньше, чем на век.

Время от времени он мурлычет малышке песенку и смотрит, как девочка открывает глаза и рот. Он видит: вот, вот еще немного внука подросла. Вспоминает пейзажи, солнечные рассветы, зеленые рисовые плантации, по которым медленно бредут буйволы; тень баньянов при входе в деревню и темно-синюю шаль, что нежно укрывает плечи гор по вечерам.

По губам у младенца течет молоко. Дедушка неловкий, к делу непривычный, для него кормежка — сплошная мука. Но ребенок — тихий, ни звука. Спокойно засыпает, и господин Лин возвращается к своему горизонту, к морю и к белой пене, которая напоминает границу — теперь прошлое за ней только мнится.

Наконец ноябрьским днем корабль прибывает в пункт назначения, но пожилой господин не хочет сходить на берег. Покинуть корабль значит навсегда оборвать связь с родным краем. Две женщины аккуратно, под руки, словно больного, ведут господина Лина по палубе. Холодно. Небо затянуто тучами. Старик вдыхает запах новой страны. Ничего не чувствует. Чужая земля не пахнет. Лин крепче прижимает ребенка к груди и напевает песенку — отчасти для малышки, отчасти для себя —

чтобы услышать в собственном голосе музыки родного языка.

Господин Лин и ребенок на пристани не одни. Здесь сотни таких, как они. Старики и дети, молодые люди покорно ждут, стоя на непривычном лютном холоде, побросав пожитки на землю, ждут, пока им укажут, куда идти. Никто ни с кем не говорит. Хрупкие ледяные скульптуры с грустными лицами стучат зубами в оцепенении.

Одна из женщин, что помогла Лину сойти с корабля, возвращается. Делает ему знак следовать за ней. Старик не внятен слова, но внятен жесты. Он показывает женщине дитя. Та смотрит, колеблется, улыбается. Они куда-то идут.

Родители ребенка были семьей господина Лина. Отец девочки был его сыном. Они погибли из-за войны, бушующей в стране уже несколько лет. Как-то утром

отправились работать на рисовую плантацию, взяли с собой младенца, а вечером не вернулись. Зашло солнце. Старик сорвался с места и побежал искать. Он запыхался, он задыхался, и вместо живых детей обнаружил в поле мертвых людей и черную дыру, клокочущую, словно кратер вулкана, буйвола с раскрытым чревом, с разверстой раной, с головой, расколотой надвое, будто орех. Чуть поодаль лежали безжизненные тела сына господина Лина и молодой жены. А ребенок уцелел, перепеленатая малышка с широко раскрытыми удивленными глазами осталась невредимой, в отличие от своей огромной куклы, которой снарядом оторвало голову. Девочке минул десятый день. Папа с мамой назвали ее Сандью, на их языке это значит «Нежное утро». Назвали и умерли. А старик спасся. Забрал малышку. Опустил

крышку чемодана. И уехал навсегда, веря, что для ребенка так лучше.

Когда господин Лин размышляет о малявке, ему кажется, что она начинает прижиматься к нему сильнее. Он несет в руке чемодан, следует за незнакомкой, а дождь хлещет по его щекам, капает громко-громко, как всегда в ноябре.

В теплом помещении женщина усаживает господина Лина на стул. Вокруг много столов и стульев. Вообще места много. Поначалу старик с ребенком одни, но вскоре в комнату набиваются все пассажиры судна. Им подают суп. Лин не голоден, но женщина убеждает его поесть, смотрит на спящую малышку, и дедушка думает: правильно, надо набраться сил ради себя и ребенка.

Никогда не забыть вкуса этого пресного местного супа, выпитого без удовольствия,

но с чувством долга, когда на улице холодно и промозгло, незнакомо и неизвестно, а в мире — тесно и одиноко всем тем, кто безвозвратно утратил свою страну.

Суп — как воздух города, который старик вдохнул, сойдя с корабля. Почти без вкуса, почти без запаха. Неузнаваемый. В нем нет восхитительной свежести лимонной мяты, терпкости кориандра, сочности жареной требухи. Ложка за ложкой суп исчезает во рту, и неведомая новая жизнь разливается по всему телу.

Вечером женщина отводит господина Лина с ребенком в общую спальню. Там чисто и просторно. Две семьи беженцев живут уже три недели. Они привыкли, им удобно. Обе родом из одной южной провинции и вместе долгое время спасались на борту полуразрушенного судна, пока их не подобрал настоящий корабль. Главы се-

мей — молодые люди. У одного одна жена, у другого — две. Детей всего одиннадцать, они шумят, смеются. Смотрят на господина Лина удивленно, немного враждебно, а ему некуда деваться, он с младенцем и, конечно, портит ребятишкам веселье. Чувствует себя лишним. Впрочем, его стараются принять хорошо, по традиции называют «папаша». Ребята хотят подержать Сандю на руках, но Лин беспокоится, говорит, мол, если бах-бах, то будет плохо, и прижимает крошку к груди. Три женщины шепчут детям: «Поди! Поди!» Переговариваются между собой, качают головой и отворачиваются. Двое мужчин садятся уголком, возобновляют партию в маджонг.

Пожилой господин смотрит на отведенную ему кровать. Аккуратно опускает младенца на пол. Затем снимает матрас — тоже кладет на пол. Устраивает ребенка на